

26.7.98

ВСТРЕЧА

КОЗЕЛ,

Трудно поверить, но 450-страничный том называется «Козел на саксе». Правда, с подзаголовком: «И так всю жизнь». Вся жизнь саксофониста — это довоенные времена, война, послевоенные московские дворы: игры, спорт, пионеры и блатные... Затем «Бродвей», приключения на бирже лабухов, откуда ходили играть халтуру, первый джаз в кафе «Молодежное» и полуподпольная джазовая жизнь под патронатом горкома комсомола. Есть глава «Параллельная жизнь», где описываются труды и дни мээнэса Козлова в Институте технической эстетики — поездки на картошку, отношение к партийным, сидение в спецхранах Ленинки и изучение демагогического марксизма.

— Я увидел, что истинный, утопический марксизм в этой стране был нежелателен и назывался ревизионизмом.

— Так вы что, марксист?

— Нет, я его выучил, чтобы разговаривать с начальством. Это мне очень помогло в годы становления «Арсенала», когда марксистскими догмами я на полном серьезе отстаивал необходимость джаз-рока в Советском Союзе...

История «Арсенала» должна была стать отдельной книгой: Козлов-хиппи, концерт в американском посольстве, официальная работа и гастрольная жизнь. Последнюю главу, о постсоветском времени, автор написал по просьбе редакции, однако считает, что тема спада советского сознания также достойна книги. Алексей Семенович, похоже, постоянно готов к общению — на бумаге ли, в звуках ли, в эфире ли.

— Меня пригласили «Акулы пера», и я согласился — с условием, что речь пойдет не о деньгах и постели, а о музыке. Предложил собрать в студии «Арсенал» — мы ведь играем разную музыку, от джаза до поп-фьюжн,

В издательстве «Вагриус» в серии «Мой XX век» ожидается прибавление — свои мысли и чувства в конце тысячелетия на суд читающей публики выносит Алексей Козлов, саксофонист.

— и вот поиграть в живом эфире и поговорить. Больше они не звонят — испугались, наверное.

— Но в опере «Иисус Христос — суперзвезда», фрагменты которой исполнял и первый состав «Арсенала», был поставлен неожиданный вопрос: как Он смог стать популярным «в местности, где нет телевизоров»?

— Есть другой пример: Махатма Ганди. Тогда не было такого развития СМИ, но он мог просто сказать: «Все идут в Соляной поход» — и вся Индия шла, что в конце концов вынудило англичан уйти. Духовная информация распространяется вне медиа-технологий...

— Фраза «Козел на саксе» — тоже своего рода медиа-факт?

— Конечно. Я не обижаюсь на нее — хотя бы потому, что благодаря ей моя популярность вышла из жанровых рамок: меня по ней узнают люди, которые никогда не интересовались музыкой. Даже сейчас, когда, по сравнению с застоем, жизнь бежит раз в десять быстрее.

— Вы считаете, что от этого нам хорошо?

— Безусловно. Такие моменты редко бывают в истории. Несмотря на ужасное падение уровня жизни одних и возвышение других, сейчас все равно лучше, чем при советской власти. Худо тем, кто имел моральную власть над людьми, — мелкому и среднему партчинов-

телигенция обсуждала политику на кухне, не желая подвергать опасности себя, детей, близких. Но и среди семейных были диссиденты, которые сидели и гибли в безвестности, а сейчас их смешивают с грязью те, кто забил все, даже очереди за водкой, папиросами и туалетной бумагой. Музыкантам, играющим джаз или рок, нельзя было выступать с политикой: эта профессия сразу заканчивалась в местах не столь отдаленных. Писатель мог в лагере сочинять, художник — рисовать, а музыкант в лагере не мог собрать группу. Поэтому я действовал по методу Штирлица: выйти из партизанского подполья и стать частью советской культуры, раздвинуть ее рамки. На этом «Арсенал» потерял часть публики, но мы никогда не продавались, не было в нашем репертуаре ни одной композиции, посвященной какому-нибудь съезду или Ленину. Властям же было выгодно хоть в какой-то мере удовлетворять потребность публики в западной музыке. А мы отваживали публику от концертов советских ВИА, прививая вкус к сложной инструментальной музыке. В Минкульте были введены даже ставки для джаз-рок ансамблей — огромное дело по тем временам. Доносов на нас слали уйму, из управлений культуры на местах, но музыкой в Минкульте ведал композитор Флярковский, который клал их под сукно.

ПРЕДВОДИТЕЛЬ САКСОВ

Маск. новости. — 1998. — 26 июля. — с. 22.

— А когда было хуже всего?

— Наверное, в 83-м, когда мы занялись брейк-дансом — пошли доносы совершенно иного порядка: «Это фашизм». Почему так определялись музыка и движения мальчишек из негритянских гетто, непонятно, но именно тогда мы вплотную стояли перед угрозой расформирования. Помог нам Михаил Зиминян: я дружил с его сыном, знатоком и коллекционером джаза. Процесс прикрыли и даже выбили нам валютную аппаратуру. Потом наступила перестройка, начались концерты на стадионах вылезших из подполья рок-групп — здорово тогда население обобрали. Кончилось все, как вы знаете, «Ласковым маем»... А мы спокойно доработали до 90-го года, после чего филармония нас уволила за ненадобностью. Через пять лет я собрал «Арсенал» для программы НТВ «Лучшие из лучших» и для концерта в Карнеги-холле с Тамарой Гвердцители — дневной концерт в день православной Пасхи. Американцев было много, и негры спекулировали билетами — сам видел...

— Кстати, как вам в Штатах?

— Я, как выяснилось, на самом деле — истинный патриот России и не уезжал даже тогда, когда многие отсюда «свалили», сейчас они возвращаются — здесь большие деньги и без налогов. Я знал, что в США джазовый музыкант все равно что водопроводчик или булочник: их там очень много. Здесь же мы на вес золота. Я человек амбициозный, популярность и весомость не променяю даже на экологически чистое жилье и пищу. Но главное — использовать свою популярность, чтобы хоть что-нибудь здесь изменить. И от этой книжки моей, надеюсь, будет хоть какая-то польза...

Юрий ВАСИЛЬЕВ

Фото из архива А.Козлова (1963 г.)

Козлов Алексей